

чальству устанавливать более действенный контроль за правильностью предъявляемыми войсковыми начальниками непосредственно в Губернские и Уездные распорядительные комитеты заявлений об отводе земель и за целесообразностью расходов казны по каждому из таких отводов.

Совершенствование законодательного регулирования взаимоотношений командования расквартированных воинских частей и местных органов власти нашло конкретное проявление в расширении круга законодательных норм и в качественном обновлении их содержания, в появлении «временных правил», направленных на проведение вполне конкретных акций и преобразований, которые становятся впоследствии законами, являющимися в формальном смысле распорядительными мерами, применяемыми в конкретном случае. Качественное обновление нормативно-правовых актов, направленных на законодательное регулирование взаимоотношений военной и гражданской властей по исследуемой проблеме, проявляется в гармонизации на правовой основе этих отношений, означающей устранение крайностей в достижении интересов каждой из сторон при условии соблюдения приоритета общегосударственных интересов.

Примечания:

1. *Устав о земских повинностях 1857 года. Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб, 1857.*
2. *О согласовании правил Устава о земских повинностях с Высочайше утвержденным 14 марта 1894 года мнением Государственного Совета об изменении некоторых постановлений сего Устава. Собр. Узак. 1898, декабря 2. Ст. 2132.*
3. *Первое дополнение к систематическому сборнику приказов по военному ведомству и циркулярам Главного штаба за время с 1 октября 1882 года по 1 января 1884 года. СПб, июль 4.*
4. *Устав о земских повинностях 1889 г. Ст. 465.*
5. *Об изменении постановления Устава о земских повинностях относительно квартирного довольствия войск. Мнение Государственного Совета. 10. 426. Собр. Узак. 1894, июля 4. Ст. 750.*
6. *Устав о земских повинностях 1899 г. Ст. 446.*
7. *Устав о земских повинностях 1899 г. Ст. 603.*
8. *Цирк. 1883. № 150. Первое дополнение к систематическому сборнику приказов по Военному ведомству и циркулярам Главного Штаба за время с 1 октября 1882 года по 1 января 1884 года. СПб, 1884.*

Богданов Д.Е. (Белгород)

«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЕЛ ОРЕЛ ДВУГЛАВЫЙ И ОТКУДА ОРЕЛ РОССИЙСКИЙ СТАЛ ЕСТЬ...»

Ключевые слова: герб, символ, эмблема, двуглавый орёл, Средние Века, Византия, Иван Третий.

The key words: coat of arms, symbol, emblem, two-headed eagle, Middle Age, Byzantium, Ivan the Third.

Как в свое время отмечал Конфуций, «знаки и символы управляют миром – а не слово и не закон»¹. На мой взгляд, с этим утверждением можно согласиться, поскольку многие знаки и символы, окружающие нас, мы воспринимаем на уровне подсознания и не всегда задумываемся, когда, где и по какой причине, в свою очередь, они возникли. Наверное, были основания у немецкого философа Эрнста Кассирера назвать человека «animal symbolism» (лат.) – «животное символическое». И сегодня все мы живём не только в физическом, но и в символическом универсуме².

Российская государственная символика относится к числу тех проблем, которые в недавнем прошлом казались малозначащими и не вызывали среди исследователей особого интереса. На сегодня ситуация существенно изменилась и вполне обоснованно считается, что изучение причин и условий возникновения памятников прошлого, их эволюции помогает не только лучше понять нашу историю, но и приблизиться к пони-

манию мировоззрения людей минувших эпох, социальной психологии общества, его менталитета.

Общеизвестно, что изучением политических символов, гербов, а также различных эмблем занимаются такие специальные исторические дисциплины, как сфрагистика, фалеристика, нумизматика, но основную нагрузку несет геральдика. Эта научная дисциплина в нашей стране начинает свое развитие со второй половины XIX века³. Исследования таких русских ученых, как Юрий Васильевич Арсеньев, Петр Иванович Белавенец, Павел Павлович фон Винклер, Александр Борисович Лакиер, Владимир Крескентьевич Лукомский обозначили и определили важнейшие вопросы этой дисциплины, связанные с появлением государственных российских символов поднимающиеся и до сегодняшних времен.

По мнению исследователей, в эпоху средневековья европейцы уподобляли мир людей миру животных и птиц: среди зверей царствовал лев, среди птиц – орёл. На вершине мира людей находился король, император, князь. Здесь следует особенно отметить, что во все времена история нации или государства персонифицировалась. Не случайно государи отождествляли себя с государством. Это было оправдано не только с их личной, но и с национальной точек зрения⁴. И, если формы символов и эмблем государей были уже найдены, то правителям более низкого ранга ещё только предстояло отыскать адекватные формы, которые позволили бы им выразить свою независимость, могущество и причастность к миру избранных⁵.

Общеизвестно, что одним из основных исторических символов нашей Родины является двуглавый орел — символ русского народа и государства.

Двуглавый орёл является одним из древнейших в истории человечества символов власти, верховенства, силы, мудрости, который был известен в странах Древнего Востока уже в VII-VI веках до н.э.⁶ (а на территории Малой Азии найдены изображения XIII в. до н.э.)⁷.

Отношение к данному символу весьма неоднозначно. Так в своей работе «Энциклопедия заблуждений» С.А. Мазуркевич приводит мнение о том, что двуглавый орел — птица нелетающая, а сама двуглавость является знаком архаического мышления⁸.

Безусловно, эти удивительные для исследователя сравнения могут показаться неспециалисту достаточно вескими, поскольку в современном языке понятие «символ» очень часто смешивают с понятием «символическое изображение», которое для «краткости» также сплошь и рядом именуют «символом». Но символическое изображение – это иное, особое понятие, которое вовсе не является, как символ, выражением идеи или знания, а, напротив, его предельно ограниченной конкретизацией, поскольку каждое символическое изображение строго соответствует совершенно определенному, конкретному объекту, который они символизируют⁹. Часто говорят, что Эйфелева башня – символ Парижа, но с научной точки зрения это безграмотно, ибо это не «символ», а «символическое изображение»: крайне эфемерное, исторически непостоянное, возникающее в сознании стихийно. Ведь сразу после создания Густавом Эйфелем башни ее считали не «символом», а позором Парижа. Временность и непрочность исторического существования – очень важная отличительная черта символических изображений, резко отделяющая их от «вечных» (постоянных) символов.

Отдельным видом символа выделяется эмблема, которая является не абстрактным знаком, а вполне определенным изображением фигур, то есть конкретных объектов, тематический диапазон которых крайне широк: от изображения любого живого или вымышленного (мифического) существа, до неодушевленного предмета, содержащее в себе зашифрованное, условное значение, выражающее идею¹⁰. Например, роза, как эмблема любви, известна лишь в Европе, Америке, на Среднем и Ближнем Востоке. На Дальнем Востоке, большей части Африки и в Океании она в этом качестве не известна и заменяется другими эмблемами. Еще более узкая значение имеет змея, служа-

шая эмблемой мудрости в Азии, но - эмблемой зла и коварства на остальных континентах. Такого рода эмблемой является и двуглавый орёл.

На сегодняшний день исследователи выделяют различные гипотезы, связанные с появлением двуглавого орла в России. Но мне хотелось бы остановиться на двух наиболее обоснованных и распространенных гипотезах – это так называемые «византийская» («традиционная») и «германская» («имперская»).

Гипотеза о византийском происхождении русского двуглавого орла основательно утвердилось в российском культурном сообществе и исторической науке во второй половине XVIII - начале XIX веков, благодаря работам таких известных исследователей, как В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин, которых еще называют «первыми русскими историками и последними летописцами». Они отмечали, что 12 ноября 1473 г. в еще недостроенном Успенском соборе московский великий князь Иван III обвенчался с византийской принцессой Софьей Палеолог¹¹. С этого времени Русь переняла византийский герб — двуглавого орла, а великий князь московский начал именовать себя «господарем», что уже очень близко к титулу царя — «государя»¹². Данная версия постоянно присутствовала, в большей степени, в популярной литературе, кроме того, эти взгляды находили подтверждения и в некоторых монографических исследованиях и учебных курсах российской истории. Сегодня эту точку зрения разделяют, в основном, представители российских государственных структур и краеведы-любители. Данную гипотезу поддерживали многие дореволюционные исследователи, среди которых стоит упомянуть таких, как П.П. фон Винклер, А.Б. Лакиер, В.К. Лукомский.

Белогвардейский офицер Владимир Саввич Новиков, сторонник «византийской» версии, писал о том, что «попав в Россию, Орёл, как бы начинает наливать плотью, оживает, готовится к полёту и из византийского чёрного силуэта превращается в живой организм. В таком виде старый римско-византийский орёл становится уже Русским Орлом, которому суждено было нести Россию на своих крылах с 1472 года – 445 лет!»¹³

Как и в любой гипотезе, и в этой, естественно, можно выделить свои «плюсы» и «минусы». К ее бесспорным «плюсам» можно отнести четкую хронологическую последовательность в описании событий, а также весьма простое и понятное обывателю объяснение преемственности Русью идей и догм христианства православного толка, означающее идеологическую борьбу с «латинянской» церковью и Западом в целом.

Главным аргументом критиков «византийской» гипотезы является, во-первых, идея, что двуглавый орёл Палеологов – это лишь герб одного из влиятельных родов Византийской империи, к тому времени уже прекратившей своё существование, но не самой империи¹⁴.

Другую гипотезу активно пропагандируют, в основном, современные историки, среди которых необходимо выделить таких учёных, как Н.А. Соболева, В.А. Артамонов, В.А. Кучкин, которые подвергают достаточно аргументированной критике «традиционную» гипотезу. Критика была впервые сформулирована еще в 1915 г. выдающимся русским историком Н.П. Лихачевым, считавшим, что Византийская империя не знала геральдической культуры, и, следовательно, двуглавый орел никогда не был гербом императора. Отсюда следует, что московское правительство не могло заимствовать из Византии того, чего та сама не имела¹⁵.

По мнению исследователя, создание новой государственной печати с изображением двуглавого орла произошло под влиянием посетившего Москву посольства императора Священной Римской империи Фридриха III Габсбурга и римского короля Максимилиана. Приняв их символ, великий московский князь во всем равнялся бы цесарю и королю¹⁶.

Уже в 1966 г. Густав Алеф конкретизировал идею Н.П. Лихачева и высказал мысль о том, что в 1489 г. рыцарь Николас Поппель привез в Москву верительную грамоту, скрепленную большой государственной печатью императора Фридриха III, на оборотной стороне которой было помещено изображение двуглавого орла¹⁷. Позна-

комившись с внешним видом императорской печати, великий князь Иван III якобы приказал изготовить для себя подобную печать, на которую также приказал поместить изображение двуглавого орла.

Особо необходимо выделить, что в последнее время концепция о германских истоках российского государственного символа еще более укрепилась.

Несмотря на то, что вышеприведенные аргументы кажутся более обоснованными и убедительными, и в данной версии можно отметить целый ряд таких противоречий:

Во-первых, большая государственная печать Фридриха III с изображением двуглавого орла имела диаметр 120 мм, а красновосковская двусторонняя печать Ивана III всего 38 мм¹⁸. Отсюда следует вопрос, который можно считать риторическим: если русские пытались следовать сфрагистическому образцу Габсбургов, то почему они не повторили и размер печати?!

Во-вторых, анализ источников свидетельствует о том, что Большой императорской печатью не скреплялись личные рекомендательные письма германских императоров и их верительные грамоты. Но, судя по текстам, находящимся в русских посольских книгах, именно такого рода документы, были привезены в Москву, следовательно, взять за образец печать Фридриха Габсбурга великий московский князь просто не мог.

По мнению исследователей, с 1490 по осень 1492 г. Иван III имел переписку с Максимилианом, который не использовал на своих печатях изображения двуглавого орла, поскольку до августа 1493 г. Максимилиан носил титул римского короля, гербом которого был одноглавый орел¹⁹.

В-третьих, договору 1490 г. в Москве придавалось слишком большое значение: вполне естественно, что такое выгодное для России соглашение вводило русского правителя в круг европейских августейших монархов. В этом же году также велись переговоры о женитьбе Максимилиана на дочери великого князя Ивана III. В этих условиях использование печати с двуглавым орлом, подобной печати Фридриха Габсбурга, конечно, явилось бы дипломатической бестактностью, уместной только при сознательном провоцировании конфликта, который однозначно был невыгоден российской стороне²⁰.

Еще один, на мой взгляд, едва ли не главный, аргумент критиков «германской» или «имперской» гипотезы состоит в том, что двуглавый орел с печати Ивана III по своему силуэту и деталям не имеет ничего общего с орлом, используемым в гербе германского императора. Напротив, в большей степени эти элементы имеют более прямые параллели с византийскими двуглавыми орлами. Данное утверждение спорно и сложно доказуемо, «ибо человек отчетливо видит лишь то, что он хочет видеть»²¹. Но, в свою очередь, Анна Леонидовна Хорошкевич в работе «Символы российской государственности» указывает на то, что российский орёл создан по образцу двуглавого орла на гербе Священной Римской империи²².

Весьма интересным в подобном контексте является замечание Николая Николаевича Лысенко, о том, что прорись русского двуглавого орла вплоть до царствования Александра II никогда не была точно установлена законом, что и обусловило многообразие его форм, деталей и атрибутов. Однако, по моему мнению, нельзя согласиться с его замечанием, что придавать значение и пытаться определить смысл этого многообразия частных деталей – бесполезная задача, поскольку решение именно этой задачи служит, на мой взгляд, ключом к раскрытию подлинной истории двуглавого орла и, в частности, истории его появления в России²³.

По мнению Н.Н. Лысенко, благодаря крестоносцам, этот символ попал в Священную Римскую империю²⁴, состоящую из небольших государств, правители которых помещали двуглавого орла на своих печатях с целью подъема престижа своей власти.

Необходимо отметить, что вопрос о появлении российского двуглавого орла по сегодняшнее время так и не имеет ответа. Решить эту проблему можно путем привлече-

ния новых источников, благодаря их объективному анализу без политической составляющей.

В заключение хотелось бы сделать следующие выводы.

Во-первых, по всей видимости, Византийская империя на протяжении всей своей истории не имела государственного герба. Но, несмотря на это, с начала XV в. в Западной Европе бытовало устойчивое представление о двуглавом орле как о гербе «императора Константинопольского»²⁵.

Во-вторых, связь изображения двуглавого орла на печати Ивана III с византийскими двуглавами может быть неслучайна в связи с тем, что в качестве советников в процессе обновления великокняжеской печати в 1490 г. выступали дети византийцев, эмигрировавших в Италию, получивших там образование и принявших католичество²⁶.

В-третьих, безусловно, существовали и собственные идеологические основания у русского правителя для выбора своего главного символа. Это могли быть подражание, либо стремления Ивана III, во-первых, стать вровень с германским императором и, во-вторых, занять место «императора константинопольского», ставшее вакантным.

В-четвертых, по всей видимости, изображение на печати Ивана III двуглавого орла могло являться графическим выражением идеи преемственности Римской христианской империи Константина Великого. С точки же зрения международного права Россия, разумеется, не является преемницей Византии. Речь, в данном случае, идет о преемственности духовной, культурной. И с этих позиций в русском национальном сознании двуглавый орел мог быть олицетворением Византии, ее православных христианских традиций.

В-пятых, в данном символе в полной мере воплощен многовековой спор между Востоком и Западом, православной Византией и католическим Римом о том, чья цивилизация является истинным преемником античной Римской империи и подлинным выразителем христианских ценностей. Этот образ является первым свидетельством рождения в России идеи «Москва — Третий Рим». Сама же балканско-византийская форма орла, принятого Иваном III, в символической форме содержала определенный вызов европейской цивилизации²⁷. Если для латинофильской знати Византийской империи двуглавый орел был символом сближения с Западом, то для Великой России с самого момента его появления он стал, с одной стороны, знаком ее суверенитета и, с другой, знаком своеобразной конкуренции с Западом.

Российское государство, усвоившее новую эмблему, еще недавно поработанное, раздерганное на куски и задвинутое в дальний угол политического бытия, стало целеустремленно развиваться и укрепляться, последовательно утверждая как свое международное достоинство, так и внутреннее единство.

Примечания:

1. Можейко (Всеволодов) И.В., Сивова Н.А., Соболева Н.А. *Государственная символика России. История и современность*. М., 2003. - С. 9.
2. Тен Ю.П. *Символы России и зарубежных государств*. Ростов н/Д., 2008. - С. 6.
3. Васькин В.В. *Двуглавый орёл в истории государства Российского*. Саратов, 2001. - С. 37.
4. См.: Новиков В.С. *Русский государственный орёл*. М., 1991.
5. Пчелов Е.В. *Российский государственный герб: Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте*. М., 2005. - С. 17.
6. Романовский В.К. *Символы российской государственности. Герб. Флаг. Гимн. Пособие для учителя*. М., 2002. - С. 7.
7. Похлёбкин В.В. *Словарь международной символики и эмблематики*. М., 1989. - С. 159.
8. Мазуркевич С.А. *Энциклопедия заблуждений. История*. М., 2001.
9. Похлёбкин В.В. *Ук. соч.* - С. 11.
10. Там же. - С. 13.
11. Шевченко В.Н. *Повседневная жизнь Кремля при президентах*. М., 2004. - С. 16.
12. См.: Карамзин Н.М. *История государства Российского*. М., 2007.
13. Новиков В.С. *Русский государственный орёл*. М., 1991. - С. 14-15.
14. Лебедев В.А. *Державный орёл России*. М., 1995. - С. 44.

15. См.: Соболева Н.А. *Российская государственная символика: история и современность*. М., 2003.
16. Там же.
17. *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / Отв. ред. Дворниченко А.Ю.* СПб., 2006. – С. 88.
18. Там же.
19. Там же. – С. 91-92.
20. Там же. – С. 97.
21. Романовский В.К. *Ук. соч.* – С. 7.
22. См.: Хорошкевич А.Л. *Символы русской государственности*. М., 1993.
23. См.: Лысенко Н.Н. *Русская государственная символика: Очерки / оформ. худож. Карпенко Г.З. Л.*, 1990.
24. Там же.
25. Лебедев В.А. *Ук. соч.*
26. Соболева Н.А. *Ук. соч.* – С. 144.
27. *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / отв. ред. - Дворниченко А.Ю.* СПб., 2006. – С. 99-100.

Бостельманн А.А. (Ринтель, Германия)

РЕФОРМАЦИЯ, АБСОЛЮТИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ)

Ключевые слова: национальная идентичность, культурный национализм, английскость, Реформация, абсолютизм, литература, Елизаветинская Англия.

The key words: national identity, cultural nationalism, Englishness, Reformation, absolute monarchy, literature, Elizabethan England.

Европейская Реформация, поставив под сомнение авторитет католической церкви, явилась важнейшим фактором дальнейшего усиления светской власти, роста национального сознания и развития культурного национализма как феномена раннего Нового времени, причем всё еще недостаточного изученного в своей конкретике. Культурный национализм являлся базой и компонентой процесса становления национальных государств и политически активных европейских наций на этапе «протонационального» (по Э. Хобсбауму – до 1780/89 г.)¹ развития обществ. На современном этапе развития гуманитаристики все больше исследователей проблемы английского национализма обращаются к изучению его ранних проявлений и многие из них ищут начальные проявления национальной английской идентичности именно в XVI веке².

Акцент в данной работе сделан на отражении в английских литературных памятниках отдельных аспектов длительного и многогранного процесса формирования новой социальной идентичности в протестантской Англии времен правления королевы Елизаветы I – национальной. Обращение к источникам литературного характера в процессе изучения проявлений культурного национализма в протестантской Англии изучаемого периода обосновано тем, что литература, как и различные сферы искусства, представляет собой важный и мощный канал поддержания и выражения национальной идентичности того или иного исторического сообщества.

Существенно, что уже ранние проявления недовольства политикой Рима в отношении церковных дел в Англии, относящиеся еще к середине XIV века, были обоснованы с сугубо национальных позиций. В Первом статуте «De Provisiribus» (1351) заявлялось, что действия Рима не соответствуют интересам королей Англии, так как папы «... раздают бенефиции за деньги иностранцам по причине чего английские сокровища вывозятся из страны, королевство беднеет, англичане не могут занимать церковные должности...»³ [перевод здесь и далее наш – А.Б.]. Первый статут «De Praemunite», подготовленный Парламентом в 1392 г., во время правления Ричарда II, декларировал, что